

К. В. Суториус

**ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИОСИФА
ЯМНИЦКОГО В НОВГОРОДСКОЙ СЕМИНАРИИ:
АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР¹**

Эта статья преследует узкую археографическую цель – представить обзор известных документов, которые относятся к академической карьере Иосифа Ямницкого. Важность такого обзора обусловлена среди прочего тем, что, во-первых, всякое введение в научный оборот неизвестных документов позволяет создать более полное и разностороннее представление об истории Новгородской семинарии и понять ее роль в истории образования в России в середине XVIII в., а во-вторых, поскольку Ямницкий учился в Киево-Могилянской академии, его преподавательская деятельность в Новгородской семинарии оказывается, благодаря обнаруженным документам, хорошим примером того, каким мог быть куррикулум бывшего ученика Киевской академии. В последние годы вышло несколько важных публикаций Н. В. Салоникова и И. Л. Григорьевой, посвященных истории Новгородской семинарии в середине XVIII в.², и мне бы хотелось дополнить приводимые в них сведения вновь обнаруженными материалами.

Сперва, однако, для того, чтобы дальнейшее изложение стало более понятным, представляется целесообразным отметить некоторые особенности того, как был организован учебный процесс в Новгородской семинарии в 1740-х гг. Как и для большинства учебных заведений духовного ведомства в России в первой половине XVIII в., для Новгородской семинарии неизвестно об относящихся к тому времени доку-

¹ Исследование выполнено при поддержке Научного фонда НИУ ВШЭ в 2017 г.

² Григорьева И. Л., Салоников Н. В. Интеллектуальная история Новгорода XVIII в. в аспекте сравнительно-исторического изучения. Великий Новгород, 2013; Салоников Н. В. Рукописные курсы по риторике, философии и богословию, прочитанные в Новгородской духовной семинарии в 40–50-е гг. XVIII в., в собрании Псковского музея-заповедника // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования: материалы XIII ежегодной науч. конф., Великий Новгород, 23 мая 2013 г. Великий Новгород, 2015. С. 3–9.

ментах, которые могли бы дать систематическое представление о том, как проходил в ней учебный процесс³. Поэтому для того, чтобы определить порядок обучения в Новгородской семинарии, необходимо прибегнуть к реконструкции. Для этого можно использовать известные правила Киевской и Московской академий, а также Смоленского коллегия/семинарии и сопоставлять их с известными фактами из жизни Новгородской семинарии⁴.

В литературе неоднократно отмечалось, что Новгородская семинария была устроена по образцу Киевской академии, поэтому реконструировать ее учебный план предлагалось на основании инструкции Георгия Кониского 1752 г.⁵ Однако, во-первых, неизвестно, в какой степени эта инструкция отражает состояние учебного процесса в предшествующее десятилетие, а, во-вторых, можно полагать, что она отражает педагогический опыт самого Кониского. Гораздо более точным и эффективным представляется реконструировать учебный процесс в Новгородской семинарии на основании сведений о том, как он был организован у иезуитов, учебные заведения которых, по всей видимости, послужили моделью для Киево-Могилянской академии. В первую очередь такие сведения дает *Ratio studiorum* – комплекс административных, учебно-методических и воспитательных предписаний, который иезуиты разработали для своих школ⁶. Этот документ был в первой половине XVIII в. общим источником не только порядков Киевской и Московской академий, но и прочих учебных заведений духовного ведомства в России. Соответственно, российские «духовные» школы в это время необходимо рассматривать как часть западноевропейской традиции в образовании вообще и католической в частности. Такой подход позволяет не только видеть то общее, что объединяло эти школы с Киевской

³ В. Смирнов (*Смирнов В.* История Новгородской духовной семинарии // Новгородские Епархиальные Ведомости. 1894. № 15. С. 691) и Г. И. Светлов (*Светлов Г. И.* Краткий очерк истории Новгородской духовной семинарии. Пг., 1917. С. 133) ссылаются на некую инструкцию, которую дал первому ректору Новгородской семинарии Маркелу Радышевскому новгородский архиепископ Амвросий Юшкевич, и Светлов, в частности, на некоторые содержащиеся в ней предписания ректору и префекту. Однако текст этого документа пока неизвестен, а то, о чем говорит Светлов, не относится к учебному процессу.

⁴ Сравнение с предписаниями «Духовного регламента» показывает, что те, в чем ведения находилась как Новгородская семинария, так и другие учебные заведения духовного ведомства, если и руководствовались в это время «Духовным регламентом», то лишь в очень незначительной степени.

⁵ *Смирнов В.* История Новгородской духовной семинарии // Новгородские Епархиальные Ведомости. 1894. № 15. С. 688; *Светлов Г. И.* Краткий очерк истории Новгородской духовной семинарии. Пг., 1917. С. 108; *Секретарь Л. А.* Новгородская духовная семинария. Наставники и ученики. Великий Новгород, 2010. С. 9.

⁶ *Ratio* неоднократно переиздавалась и поэтому для удобства читателя ссылки на него даются не по определенному изданию, а по разделам, которые называются «правилами» (*regulae*).

академией, а через нее с гуманистическо-иезуитской традицией образования, но и видеть те особенности, которые отличали российские школы не только от учебных заведений Общества Иисуса, но и от академии киевской. Если не принимать во внимание этот иезуитско-киевский субстрат, то изучение истории учебных заведений духовного ведомства в России в XVIII в. и взвешенная оценка их деятельности сегодня кажется невозможным⁷. Иосиф Ямницкий принадлежал к тому поколе-

⁷ Едва ли, например, можно согласиться с Л. А. Секретарь, которая после рассказа о том, что Амвросий Юшкевич по поводу бегства в 1745 г. ученика риторики приказал объявить семинаристам, что «*ежели кто из них с объявления сего указа хотя единожды побегит, таковой кроме всякого помилования по жестоком на теле наказании прямо в военную его императорского величества службу в матросы*» будет отдан или сослан «*вечно на каторгу*» (Смирнов В. История Новгородской духовной семинарии // Новгородские Епархиальные Ведомости. 1894. № 17. С. 827), заключает: «*Система обучения, таким образом, зиждилась на полном подчинении, страхе по типу иезуитских колледжей*» (Секретарь Л. А. Новгородская духовная семинария. Наставники и ученики. Великий Новгород, 2010. С. 10). Если страх понимается как страх наказания, то в *Ratio studiorum* о нем, по всей видимости, речь не идет. Слово «страх» (*metus*) в окончательной редакции 1599 г. встречается здесь один раз: в «*Общих правилах для преподавателей низших классов*» в параграфе, посвященном «дисциплине», где говорится о том, что надеждой на почет и награды и страхом позора учитель легче добьется соблюдения учениками правил, чем плетью (... *praecipua sit magistri cura, ut discipuli tum ea, quae in eorum regulis habentur, observent; tum ea, quae de studiis dicta sunt, exequantur. Quod spe honoris ac praemii metuque dedecoris facilius, quam verberibus consequetur* (Regulae communes professoribus classium inferiorum, 39). О наказаниях далее говорится, что учитель не должен быть склонен к ним и что иногда вместо наказания полезно прибавить заданье сверх ежедневного (*Nec in puniendo sit praecipue, nec in inquirendo nimius; dissimule potius, cum potest sine cuiusque damno; ... poenae etiam loco aliquid literarium addere ultra quotidianum pensum, utile interdum erit* (Reg. communes professoribus classium inferiorum, 40). Оговаривается также в *Ratio* ситуация, когда нарушитель дисциплины отказывается от телесного наказания. В этом случае, как и в случае, если кто часто отсутствовал на занятиях, нарушителя полагалось исключать из учебного заведения (*Qui autem plagas recusant, aut cogantur, si tuto possint; aut, si quando id indecore fiat, cum grandioribus videlicet, iis gymnasium nostrum interdicatur, conscio tamen rectore; sicut et iis, qui frequenter absunt a schola* (Regulae praefecti studiorum inferiorum, 39). См. также Regulae externorum auditorum societatis, 7). Не меньше чем наказаниям в *Ratio* уделено внимания наградам, как материальным, так и символическим, которые должны были побуждать учеников усердно заниматься (Regulae rectoris 14, Regulae praefecti studiorum inferiorum 35–36 и особенно Leges praemiorum, которые находятся в конце этих правил). Важным средством в мотивации учащихся успешно учиться называлось соперничество (*aemulatio*) в том, кто покажет лучшие результаты в учебе. Чтобы подогреть его, предписывалось при каждом возможном случае устраивать состязания (*Concertatio... magnificienda et quoties tempus permittit usurpanda, ut honesta aemulatio, quae magnum ad studia incitamentum est, foveatur* (Regulae communes professoribus classium inferiorum 31) и предлагалось делить школу (класс) на две соперничающие половины (*Duas autem fere in partes ad aemulationem fovendam schola dividi poterit, quarum utraque suos habeat magistratus, alteri parti adversarios, unicuique discipulorum suo attributo aemulo* (Regulae communes professoribus classium inferiorum 35). Если обучение в Новгородской семинарии и держалось на страхе, то обусловлено это было, по всей видимости, скорее российскими особенностями. На территориях, где были распространены школы иезуитов, а также в Левобережной Украине в первой половине XVIII в. ценность образования уже не вызывала сомнений,

нию учителей Новгородской семинарии, которые были прекрасно знакомы с этой образовательной моделью, поскольку они, если и не полностью, то, по крайней мере, на последнем этапе своего образования учились в Киевской академии.

В первой половине XVIII в. Киевская академия состояла из восьми «школ» (классов), которые от низших к высшим последовательно проходили учащиеся. Основой образования был латинский язык, который изучался не как язык иностранный, а был языком преподавания. Низшая «школа» называлась «фара», или «аналогия»; в ней начиналось изучение латинского языка⁸. Затем следовали одна за другой еще три грамматических «школы», в которых продолжали изучать латинский язык: «инфима», «грамматика» и «синтаксима»⁹. В последней заканчивалось изучение грамматики и начиналось изучение стихосложения. После этого учащиеся переходили в «школу» под названием «поэтика», где далее изучалось стихосложение и начиналось изучение ораторского искусства. За ней шла «школа» собственно риторики. Программа обучения в «школах» по риторике включительно была рассчитана на один год в каждой. Однако те, кто после риторики собирался учиться дальше, занимались в «риторике», по-видимому, больше года¹⁰.

Высшими классами были «философия» и «богословие», которые также проходили последовательно одна за другой. Курс философии продолжался два года и раз в два года начинался. В первый год преподавались так называемая «диалектика» (небольшой курс формальной логики) и «логика», посвященная вопросам, которые впоследствии ста-

в отличие от России, и родители добровольно отправляли детей учиться в коллегииумы иезуитов и в православные коллегииумы Украины, в то время как в России распространение образования среди священнослужителей было делом новым и важность образования самим священнослужителям, по-видимому, не очевидна, в связи с чем государство использовало меры административного принуждения, так что священнослужители отправляли своих детей учиться в семинарии, возможно, даже против своей воли. Также надо учитывать, что обучение в семинариях для священнослужительских детей рассматривалось, похоже, как некая разновидность службы и как одна из их обязанностей, неисполнение которой вело к ответным мерам со стороны вышестоящего духовного начальства. Кроме того, пока пенитенциарная практика в семинариях изучена еще слабо, едва ли уместно делать заключения о том, в какой степени страх наказания лежал в основе системы обучения.

⁸ Вишневецкий Д. Киевская академия в первой половине XVIII ст. Киев, 1903. С. 96. Этот класс не упоминается в *Ratio studiorum*, и появление его, возможно, связано с имеющимся в *Ratio* (Regulae praefecti studiorum inferiorum 8, § 3) предписанием низший грамматический класс делить на два уровня (*ordines*).

⁹ В *Ratio* эти школы называются соответственно *infima*, *media* и *suprema classis grammaticae*.

¹⁰ Об этом свидетельствуют опубликованные списки студентов Киевской академии за 1736/7–1744/5 уч. г. (Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии. Отделение II. Т. 1. Ч. 2. Киев, 1904. С. 35–265). В *Ratio studiorum* изучать риторику не менее двух лет предписывалось тем, кто вступал в Общество Иисуса (Regulae praepositi provincialis 18).

ли относить обычно к гносеологии и метафизике, во второй – «физика», где рассматривались натурфилософские вопросы и небольшая по объему метафизика, или же в первый год преподавались «диалектика», «логика» и метафизика, а во второй – «физика»¹¹; с начала 30-х годов регулярно преподается еще и небольшой курс «этики»¹². Соответственно, раз в два года студенты заканчивали изучать риторику, когда заканчивалась уже первая половина философского курса, и, чтобы те из них, которые хотели продолжать образование, могли перейти в «школу» философии, и не дожидались начала следующего философского курса, в этот год в конце курса риторики преподавался небольшой курс формальной логики («диалектика»)¹³.

В богословском классе почти исключительным предметом изучения был курс спекулятивного богословия (*theologia scholastica*), который продолжался четыре года и раз в четыре года начинался. Он делился на два двухлетия и, если философский курс заканчивался вместе с окончанием первой половины богословского курса, то учащиеся могли не проходить курс философии второй раз, а пройти сперва вторую половину богословского курса, а потом первую. В конце XVII – начале XVIII в. преподавалось также как отдельный предмет богословие полемическое. За 1735/6 уч. г. мы находим единственное свидетельство того, что преподавалось нравственное богословие¹⁴.

Классы по риторике включительно соответствовали программе гуманистической школы, и окончание курса риторики было вполне ло-

¹¹ *Ratio studiorum* рекомендовала курс философии, по возможности, начинать каждый год и преподавать три года трем отдельным учителям (Reg. praepositi provincialis 17 Reg. professoris philosophiae 9–11). Однако в польских коллегиях иезуитов чаще всего философия преподавалась двухлетними, неполными, циклами (*Bednarski St. Upadek i odrodzenie szkół Jezuitickich w Polsce*. Krakow, 1933. S. 98–101).

¹² *Симич М.* Philosophia rationalis у Києво-Могилянській академії. Вінниця: О. Власюк, 2009. С. 46–48. Это лучшая на сегодняшний день публикация, посвященная философии в Киево-Могилянской академии.

¹³ Также и согласно школьным «обычаям» польско-литовских иезуитов 1620 г., если после окончания курса риторики в следующем учебном году не начинался философский курс, то два последних месяца учебного года в классе риторики преподавалась «диалектика» (*Consuetudines scholasticae provinciae Poloniae et Lituanae S. J.*, раздел «*Lectiones*», пункт 6-й (*Bednarski St. Upadek i odrodzenie ... S.* 495), то же самое говорилось и в «каталоге» лекций, изданном польским провинциалом Адрианом Мясковским в 1711 г. (*Catalogus praelectionum in scholis societatis Jesu provinciae Poloniae // Bednarski St. Upadek i odrodzenie ... S.* 483a.). См. также *Bednarski St. Upadek i odrodzenie ... S.* 100.

¹⁴ У иезуитов основную часть занятий в богословском классе также составляло изучение спекулятивного богословия, но кроме этого предполагалось также изучение богословия нравственного (казуистики, которую, впрочем, изучали не только ученики «школы» богословия, но и те, кто хотя и собирался стать священнослужителем, однако, оказались неспособными к изучению даже философии), полемического, «положительного» (Священное Писание), канонического права, а также древнееврейского языка (*Catalogus praelectionum in scholis Societatis Jesu provinciae Poloniae // Bednarski St. Upadek i odrodzenie ... S.* 483–488).

гичным окончанием целой ступени образования. Согласно *Ratio studiorum* курсы философии и богословия не были обязательными для тех, кто собирался стать священнослужителем, и не все иезуитские коллегииумы в Польше эти классы имели, но риторика была во всех. Поэтому, видимо, в киевской академии было гораздо больше учеников в «школе» риторики, чем в «школе» философии, а в последней больше, чем в богословии. Если епархиальные семинарии в России и были предназначены главным образом для детей духовенства, они, однако, не давали этим детям специальных знаний и навыков, необходимых для служения в церкви, и, соответственно, не были направлены на профессиональную подготовку духовенства. Это не были духовные учебные заведения в собственном смысле, и духовными их можно назвать только по их ведомственной принадлежности.

В каждой «школе» было по одному учителю. Они так же, как и ученики, в своей карьере переходили от низших классов к высшим так, что иерархии классов соответствовала иерархия преподавателей. При этом одни ограничивались только грамматическими классами¹⁵, другие затем последовательно преподавали еще в «поэтике» и «риторике», третьи брались после этого преподавать также в «школе» философии, а потом богословия. От преподавателя, по-видимому, не требовалось, чтобы он прошел как преподаватель все классы, и о некоторых учителях «поэтики» и «риторики» неизвестно, чтобы они были учителями грамматических классов, однако неизвестно также и случаев, чтобы учитель класса более высшего становился затем учителем класса низшего.

О том, какие знания могли получить учащиеся в «школах» от «поэтики» до богословия, мы можем сегодня судить по сохранившимся и известным записям преподававшихся в этих «школах» курсов (записей, которые относятся к тому, что преподавалось в грамматических классах, известно гораздо меньше). Подавляющее большинство таких записей сделано учащимися, но отдельные записи – это автографы самих преподавателей. В тех случаях, когда известно более одной записи какого-либо курса, можно видеть, что эти записи почти полностью совпадают. Это может говорить об их общем происхождении. Однако возникает вопрос, как делались эти записи: переписывались ли они с некоего протографа или делались под диктовку, и если да, то под диктовку преподавателя во время занятия или одного из учеников вне занятий? Одни свидетельства, кажется, указывают на то, что преподаватели диктовали лекции во время занятий, другие – на то, что записи переписывались.

¹⁵ Учителями грамматических классов нередко были ученики классов богословия, философии и риторики. Не всегда, однако, это, как может показаться на первый взгляд, свидетельствует о недостатке учителей, поскольку уже в *Ratio studiorum* разрешалось к преподаванию в грамматических классах привлекать студентов (*Reg. praepositi provincialis* 26).

Совместить эти данные можно, если предположить, что учащиеся переписывали текст курса до занятий, а во время занятий преподаватель диктовал его и давал пояснения.

Таким примерным образом выглядел учебный процесс в Киево-Могилянском коллегииуме/академии в первой половине XVIII в., а также в организованных по иезуитско-киевскому образцу учебных заведениях духовного ведомства России. В рамках этой модели образования и проходила академическая карьера Иосифа Ямницкого.

Самое раннее упоминание об Иосифе (в миру Иване) Ямницком в Киевской академии относится к 1737/8 уч. г. В представленной в Синод ведомости об учениках Киевской академии от 21 февраля 1738 г. Ямницкий значится среди учеников «школы» философии: в колонке «Имя и прозвание» указано «Иоанн Ямнецкий», в колонке «Лет от рождения» – «20», в колонке «Откуда и каких родителей» – «С Полци з места Заславя син священнический», в колонке «Какого учения» – «Надеждного»¹⁶. Это не только наиболее раннее упоминание о Ямницком вообще, но и единственные известные на сегодня сведения о жизни его до поступления в Киевскую академию. В опубликованной ведомости учеников академии за 1736/7 уч. г., которая была составлена в апреле 1737 г., имя Ямницкого не встречается¹⁷. Если при публикации этой ведомости не произошла ошибка и Ямницкий в 1736/7 уч. г. действительно в Киевской академии не учился, то надо полагать, что он до этого учился в каком-то другом месте¹⁸.

В 1737/8 и 1738/9 уч. г. преподавал свой второй курс философии Сильвестр Кулябка¹⁹ и, соответственно, Ямницкий в 1737/8 уч. г. проходил первую половину этого курса. Начиная, однако, с 1738/9 уч. г., Киевская академия предоставляла в Синод сведения не обо всех учениках, а только «об одних священно и церковно-причетнических детях», причем российских подданных и, видимо, поскольку Ямницкий был родом «с Полци», его имя в ведомостях после 1737/8 уч. г. не встречается. По всей вероятности, однако, в 1738/9 уч. г. он прошел вторую половину философского курса Кулябки.

Затем, в 1739/40 уч. г., Ямницкий, надо полагать, перешел в «школу» богословия и за два года (1739/40 и 1740/1) прошел вторую часть богословского курса, который в эти годы преподавал тот же Кулябка²⁰.

¹⁶ Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии. Отделение II. Т. 1. Ч. 2. Киев, 1904. С. 62.

¹⁷ Там же. С. 38–59.

¹⁸ В ведомости за 1737/8 уч. г. среди учеников «школы» философии значатся еще два земляка Ямницкого – Иван Лятошевич, 20-ти лет, и Павел Лятошевич, 21-го года (Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии. Отделение II. Т. 1. Ч. 2. Киев, 1904. С. 62–63). Первый из них упомянут также и в ведомости за 1736/7 уч. г. среди учеников «школы» риторики (Там же. С. 42).

¹⁹ Вишневский Д. Киевская академия в первой половине XVIII ст. Киев, 1903. С. 199.

²⁰ Суториус К. В. Записи богословских лекций Сильвестра Кулябки в Киево-

Свидетельством этому будут две рукописи из фонда 522 (Новгородская духовная семинария) в ОР РНБ: № 20 (старый шифр 6714) и № 39 (старый шифр 6733). Обе рукописи формата «в четверть». Рукопись № 20 содержит на лл. 1–69 об. *Tractatus theologicus de ultimo fine hominis* и на лл. 69 об.–100 об. – часть богословского трактата *de peccatis* (с начала и до disp. 3, qu. 2, причем заголовок этого вопроса находится в самом конце л. 100 об., но текста его нет). Рукопись № 39 содержит на лл. 89–138 часть трактата *de peccatis* (начиная с disp. 3, qu. 2 и до конца, причем на л. 89 начинается сам текст вопроса, заголовка же его нет) и на лл. 138–167 об. – часть трактата *de gratia* (с начала и до disp. 2, qu. 6). Все это – разделы богословского курса, которые преподавал в Киевской академии в 1739/40 уч. г. Сильвестр Кулябка. Эти разделы в рукописях № 20 и № 39 написаны одним почерком. В рукописи № 20 имеются номера тетрадей, последний из которых 12-й – на л. 93. В рукописи № 39, начиная с л. 89, также находятся номера тетрадей, первый из которых 13-й. Соответственно, надо полагать, что эти две рукописи – части одного целого: одной записи богословского курса, сделанной одним человеком. Почерк, которым написаны в них части преподававшихся Кулябкой трактатов, совпадает с почерком, каким написаны адресованные новгородскому архиепископу Амвросию Юшкевичу письма префекта Новгородской семинарии Иосифа Ямницкого за 1744 г., находящиеся в сборнике «келейных писем» Юшкевича, который хранится в Отделе письменных источников Новгородского музея-заповедника (ОПИ НГОМЗ)²¹. Вполне вероятно, что и в 1740/41 уч. г. Ямницкий учился в богословском классе.

Осенью 1741 г. Ямницкий, по-видимому, отправился в Новгород к архиепископу Амвросию Юшкевичу, чтобы стать учителем Новгородской семинарии²². Вместе с Ямницким отправился в Новгород из Киевской академии Иван Миткевич, о котором, поскольку он был сыном священника Киевского полка, имеются сведения во всех ведомостях с 1736/7 по 1740/1 уч. г.: в 1736/7 уч. г. он был в «школе» риторики, в 1737/8 и 1738/9 уч. г. – философии, в 1739/40 и 1740/1 уч. г. – богословия²³. Из этого видно, что в 1737/8 и 1739/40 уч. г. Миткевич учился в тех же классах, что и Ямницкий. В ведомости же об учениках Киевской академии, представленной в Синод 26 января 1742 г., Миткевич также значится среди учеников богословской школы, но в графе «Кто, когда и

Могиланской академии в 1739–45 гг. // Религия. Церковь. Общество. СПб., 2014. Вып. 3. С. 312.

²¹ ОПИ НГОМЗ. КП 30056-94/11234. Л. 140–143 (письма Ямницкого от 4 и 14 августа 1744 г.).

²² Светлов Г. И. Краткий очерк истории Новгородской духовной семинарии. Пг., 1917. С. 147; Яцук О. В. Ямницкий Иван // Києво-Могиланська академія в іменах. XVII–XVIII ст. Київ, 2001. С. 613а–b.

²³ Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии. Отделение II. Т. 1. Ч. 2. Киев, 1904. С. 41, 63, 97, 108 и 124.

куда вы был?» напротив его имени указано: «До преосвященного Велико-Новгородского в Великий Новгород 1741 года октября 20 дня»²⁴. Соответственно, если Ямницкий с Миткевичем вместе отправились из Киевской академии в Новгород, то, по-видимому, и Ямницкий отправился тогда же²⁵. Это означает, что Ямницкий прошел в Киевской академии только вторую половину богословского курса, первую же половину не изучал.

О том, когда Ямницкий и Миткевич прибыли в Новгород, можно предполагать по аналогии с тем, как в 1744 г. добиралась из Киева в Новгород другая группа учащихся Киевской академии. Отправленный новгородским архиепископом Амвросием Юшкевичем в Киевскую академию за кандидатами на учительские должности для Новгородской семинарии Василий Борзаковский 20 августа 1744 г. сообщал Юшкевичу, что трое подобранных им кандидатов отправятся из Киева 24 августа²⁶. В указе же Юшкевича, который был направлен префекту Новгородской семинарии Иосифу Ямницкому по поводу назначения новых учителей, говорилось, что они «отправились из Москвы в Новгород сего октября 7 дня»²⁷, т. е. до Москвы из Киева они добирались около месяца. Соответственно, если Ямницкий и Миткевич действительно отправились из Киева 20 октября, то до Новгорода они добрались, возможно, только в декабре 1741 г.

8 марта 1742 г. Амвросий Юшкевич направил в Синод «Ведомость Новгородского архиерейского дома семинарии о учениках»²⁸. Судя по тому, что среди учеников «школы» фары в графе «Время определения в школу» указаны в том числе те, которые поступили в эту школу в декабре 1741 г., эта ведомость, по-видимому, содержит сведения об учащихся и учителях семинарии за первую половину 1741/2 уч. г. Ямницкий здесь как учитель не значится.

Наиболее раннее свидетельство того, что Ямницкий был учителем Новгородской семинарии, мы находим в «Ведомости Новгородского архиерейского дому семинарии о учениках» за 1742 г., которая была на-

²⁴ Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии. Отделение II. Т. 1, Ч. 2. С. 141.

²⁵ В книге Харламповича читаем, что Ямницкий появился в Новгороде в 1743 г. и в этом же году закончил Киевскую академию (Харлампович К. В. Малороссийское влияние на Велико-русскую церковную жизнь. Т. 1. Казань, 1914. С. 690). Однако это, надо полагать, досадная опечатка. В хранящейся в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. Вернадского рукописи КДА 84п (старый шифр J.1.13.13), которая содержит записи богословских трактатов, преподававшихся Кулябкой в 1741/2 и 1742/3 уч. г., имеется список студентов, изучавших богословие в 1741/2 уч. г. Имени Ямницкого среди них нет, как нет его и в имеющемся в той же рукописи (л. 231) списке тех, кто окончили в 1742/3 уч. г. четырехлетний курс богословия.

²⁶ ОПИ НГОМЗ. Д. 11234 (Келейные письма Амвросия Юшкевича). Л. 178 об.

²⁷ Там же. Л. 287.

²⁸ Светлов Г. И. Краткий очерк истории Новгородской духовной семинарии. Пг., 1917. С. 166–219.

правлена 8 мая 1743 г. из семинарии в архиерейский разряд, а 27 мая того же года в Синод (ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 561)²⁹. Эта ведомость, по-видимому, содержит сведения за первую половину 1742/3 уч. г. Здесь Ямницкий значится как учитель школы грамматики (л. 29), а Миткевич – как учитель школы «синтаксисы» (л. 20).

Со свидетельством ведомости 1743 г. согласуется свидетельство Симона Лаговского, которое имеется в его самом раннем из известных очерке истории Новгородской архиерейской школы и семинарии. Этот очерк был включен в курс философии, который Лаговский преподавал в Новгородской семинарии в 1756/7 и 1757/8 уч. г. (раздел под названием *Tractatus de philosophia in genere*, глава 2, §§ 80–88). Лаговский учился в Новгородской семинарии с 1740/1 по 1753/4 уч. г. и был очевидцем тех событий, о которых в очерке идет речь. Курс известен по одной записи, которую сделал изучавший в эти годы философию ученик по имени Никифор Яковлев (принял монашество с именем Антоний и подписывался впоследствии фамилией Муровский). В § 86 после рассказа о преподавателях Иннокентии Мигалевиче и Дамаскине Аскаронском читаем: *Horum successores dignissimi duo Joannes unus Jannisky alter Mitkevicz ex anno 1742 mense Decembri. Sequenti anno Augusti diebus monachi facti ille Josephus hic Joasaphus dicti et Josephus praefectus rhetoricesque praeceptor Joasaphus vero poeseos praeceptor creati sunt*³⁰. Здесь вызывают, однако, затруднение слова *ex anno 1742 mense Decembri*: означают ли они, что Ямницкий и Миткевич стали учителями в декабре 1742 г., или же это неточность самого Лаговского, или ошибка его ученика, а правильное чтение должно быть или *1741*, или *Septembri*?

Из очерка Лаговского также видно, что в августе 1743 г. Ямницкий принял постриг с именем Иосифа и был назначен префектом семинарии и учителем риторики³¹. Свидетельство того, что Ямницкий в

²⁹ Выражаю здесь сердечную благодарность Н. В. Салоникову, который любезно предоставил мне сведения, содержащиеся в этой ведомости. В новгородском архиве хранится копия, а оригинал находится в РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 32д (том 5). Л. 2–50.

³⁰ Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (ПГОИАХМЗ), Древлехрамление. Ф. 36. № 11. Л. 114 об.

³¹ Приведенные свидетельства опровергают некоторые утверждения, встречающиеся в историографии. К. В. Харлампович пишет, что Ямницкий, «окончивший Киевскую академию в 1743 г., с того же года преподает в Новгороде грамматику» (Харлампович К. В. Малороссийское влияние на Великорусскую церковную жизнь. Т. 1. Казань, 1914. С. 690). О. В. Яцук также указывает, что в 1743/4 уч. г. Ямницкий преподавал в классе грамматики (Яцук О. В. Ямницкий Иван // Киево-Могилянська академія в іменах. XVII–XVIII ст. Київ, 2001. С. 613а-б). Г. И. Светлов пишет, что Ямницкий «последовательно прошел по линии все школы семинарии» (Светлов Г. И. Краткий очерк истории Новгородской духовной семинарии. Пг., 1917. С. 147). Однако, как мы видим, в «школе» грамматики Ямницкий был учителем в 1742/3 уч. г., а в 1743/4 уч. г. был уже учителем «школы» риторики. В «школах» же «синтаксисы» и «поэтики» он, по всей видимости, не преподавал вовсе. И здесь возникает вопрос, почему Ямницкий, который в 1742/3 уч. г. как учитель «грамматики» занимал в корпорации учителей положение

1743/4 уч. г. был преподавателем риторики, дает также «Ведомость новгородского архиерейского дому семинарии о учениках» за 1743/4 уч. г., которая 18 мая 1744 г. была направлена в Синод «из Новгородских архиерейских розряда, консисторского собрания и казенного приказа» (РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 32д (том 5). Л. 185–236 об.). В этой ведомости в конце списка учеников «школы риторики» рукою Ямницкого написано: «Учитель школы риторики и семинарии префект иеромонах Иосиф Ямнецкий» (л. 193 об.).

О том, чему Ямницкий в этом курсе риторики учил своих учеников, можно судить по сохранившимся записям курса. Поскольку, однако, сообразуясь с поставленной целью – представить очерк документов, относящихся к преподавательской карьере Ямницкого – представляется не вполне уместным в данной статье рассматривать содержание преподававшихся им дисциплин, так как это тема для отдельного текстологического исследования, то здесь видится целесообразным только указать известные записи и отметить их основные особенности. Таким образом, записи данного курса удалось обнаружить следующие:

Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник (РИАМЗ), фонд письменных источников, шифр КП-8622, лл. 2–124. Эта рукопись форматом «в четверть» принадлежала Стефану (в монашестве Симону) Лаговскому, о чем свидетельствует владельческая надпись на л. 1: *Ex libris Lagowski*, и его же рукой сделана эта запись курса риторики. На лл. 7 и 32 имеются пометы Ямницкого, а на л. 124 в конце курса его почерком написано: *Nemo satis. Unde nosque si in quibus defecerimus, facultas tenuis non voluntas semper in fructum et profectum tuum prona culpam sustinebit. Tu interim utere istis: juvabunt non impediunt, quominus solidiora sequaris. Nobis pro istis satis amplam mercedem solves, si gratum te praestabis.*

Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (ПГОИАХМЗ), Древлехранилище, ф. 36, шифр 5, лл. 3–101 об.³² В этой рукописи форматом «в четверть» в конце курса риторики имеется помета, сделанная рукой Ямницкого: *Vidi et accipio. Deus optimus profectum largiatur.*

Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского (ИР НБУВ), ф. 1, шифр 2027, лл. 275–355³³. В этой

более низкое, чем Миткевич, как учитель «синтаксисы», в следующем, 1743/4, учебном году как учитель риторики оказывается в положении более высоком, чем Миткевич?

³² Об этой рукописи и о содержащихся в ней учебных материалах новгородского происхождения см.: Григорьева И. Л., Салоников Н. В. Интеллектуальная история Новгорода XVIII в. ... С. 77, а также: Салоников Н. В. Рукописные курсы... С. 7.

³³ Киевская рукопись стала известна благодаря содержащемуся в ней памятнику русской литературы XVIII в., школьной драме «Стефанотокос», автором которой был префект новгородской семинарии Иннокентий Мигалевиц. Первое сообщение об этой рукописи содержится в заметке А. М. Лободы (*Лобода А. М.* Школьная драма «Стефанотокос» по вновь найденной рукописи 1741–1743 гг. // Чтения в Историческом обще-

рукописи форматом «в четверть» в конце курса риторики также имеется помета, сделанная рукой Ямницкого: *Fruere istis Dei gloria et tuo commodo*.

ОР РНБ, ф. 522 (Новгородская духовная семинария), шифр № 36 (старый шифр 6730), лл. 49–130. Эта рукопись формата «в лист» отличается от остальных и интересна тем, что на полях риторики имеется немало помет, сделанных почерком Ямницкого (например, л. 90 об.), его рукой также написаны и некоторые места в самом тексте (например, на лл. 50 об–51 об., 54 об., 60–61, 66–68 об.), в том числе заключительные слова (лл. 129–130).

Пометы в конце записей курса риторики, возможно, указывают на то, что преподаватель просматривал списки курса, сделанные его учениками.

Согласно известным записям курс риторики 1743/4 уч. г. имеет общее заглавие: *Praecepta de comparanda eloquentia ad usum juventutis, quam fovet seminarium Novogrodo-Ambrosianum, sub celsissimis auspiciis illustrissimi domini kyr Ambrosii Juszkevicz archiepiscopi Novogrodensis et Velicolucensis tradi et explicari caepta in dicto seminario per servum suae archipraesuleae celsitudinis longe dignissimum monachum*³⁴ *Josephum Jamnicki anno a prodigioso partu Virginis supra millesimum 700mo 43tio Septembris 2da*³⁵.

стве Нестора Летописца, 1901. Кн. 15. Вып. 4. Отд. 5. С. 57–62), которому рукопись и принадлежала. Подробное же описание ее состава дает В. И. Резанов в своем издании русских школьных драм (*Резанов В. И.* Памятники русской драматической литературы. Школьные действия XVII–XVIII вв. Нежин, 1907. С. III–XII). В издании школьных драм, вышедшем в 1975 г., О. А. Державина, которая готовила текст «Стефанотокоса», воспроизводит данное Резановым описание этой рукописи и пишет, что местонахождение ее неизвестно (Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. М., 1975. С. 669). Н. И. Петров, а также некоторые другие ученые, видимо по недоразумению, называют Ямницкого автором «Стефанотокоса» (Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии. Отделение II. Т. 1. Ч. 2. Киев, 1904. С. 371; *Харламович К. В.* Малороссийское влияние на Великорусскую церковную жизнь. Т. 1. Казань, 1914. С. 690, прим. 6; *Яцук О. В.* Ямницкий Иван // Киево-Могилянська академія в іменах. XVII–XVIII ст. Київ, 2001. С. 613а–б). Эта киевская рукопись кроме прочего важна тем, что в ней содержится запись курса поэтики, который преподавался в Новгородской семинарии в 1741/2 уч. г. (лл. 1–146 об.).

³⁴ В рукописи из РНБ написано *indignissimum monachum*, в псковской рукописи стоит *dignissimum* вместо исправленного *indignissimum*, в киевской – *dignissimum*, но перед ним оставлено свободное место примерно для двух букв, в рязанской рукописи поверх вытертого написано *dignissimum ac utrimque cultissimum monachum*. В этой же рукописи на поле справа приписано *sed finita per eundem jam hieromonachum*.

³⁵ Об этом курсе Ямницкого см.: *Григорьева И. Л., Салоников Н. В.* Интеллектуальная история Новгорода XVIII в. ... С. 75–76. Сопоставив курс Ямницкого с описанием курсов риторики, которые преподавались в Киево-Могилянском коллегіуме/академии (*Стратий Я. М., Литвинов В. Д., Андрушко В. А.* Описание курсов философии и риторики профессоров Киево-Могилянської академії. Киев, 1982), эти исследователи отметили, что «содержание и структура» курса риторики, который преподавал в 1743/4 уч. г. Ямницкий, «практически полностью совпадает с риторикой, прочитанной в

К тому, чем занимались ученики в «школе» риторики в 1743/4 уч. г., надо, по всей видимости, отнести упражнения, озаглавленные *Praxes, quas dignissimus vir sollicitus de officio suo seminarii Welikowogrodo Ambrosiani praefectus probitate, prudentia ac eruditione praestans protunc rhetorices praeceptor piissimus jeromonachus Josephys Jannicki in explicata sua in schola discipulis rhetorices praecepta ex tempore anno 1743 fuderat*, которые известны по рукописи РИАМЗ, шифр КП-8859, лл. 1–113³⁶. Эта рукопись форматом «в четверть» также принадлежала Стефану Лаговскому, о чем свидетельствует владельческая запись на л. I: *Ex libris Stephani Lagowski*.

В упомянутой выше ведомости новгородских семинаристов за 1743/4 уч. г. в «школе риторики» значится 45 учеников, из них трое умерших и один отпущенный в Петербург «для обучения лекарских наук»³⁷. Эти данные очень важны, поскольку они очерчивают круг учеников, которые делали записи курса и которым эти записи могли принадлежать. Так, в конце псковской рукописи (л. 383) имеются две сделанные от первого лица под именем Антон записи о присягах на верность Елизавете Петровне (28 ноября 1741 г.) и наследнику Петру Федоровичу (21 ноября 1742 г.). Н. В. Салоников отождествляет этого Антона с Антоном Ферапонтовым, который в ведомости о новгородских семинаристах за 1742/3 уч. г. значится в «школе» поэтики³⁸, в ведомости же за 1743/4 уч. г. он значится уже среди учеников «школы» риторики под № 4. Однако запись курса риторики 1743/4 уч. г. в псковской рукописи сделана, по-видимому, почерком другого семинариста. Под № 42 в той же ведомости значится Стефан Лаговский³⁹.

1734/5 уч. г.» Сильвестром Кулябкой. Они объясняют такое совпадение тем, что Ямницкий, будучи учеником Киевской академии, учился у Кулябки. Это предположение очень интересно, поскольку в опубликованной ведомости учеников Киевской академии за 1736/7 уч. г. Ямницкий не значится. Для атрибуции записей, у которых не сохранился титульный лист, представляется целесообразным поместить здесь первые и последние слова этого курса. Открывается курс Ямницкого предисловием, озаглавленным *Stimulus ad candidatos eloquentiae*, которое начинается словами: *Ex quo de perenni illo rhetorices fonte id quidem, quod libens fateor, haud plenissimo ore ipse potarim, plus satis jam rudi palato suavitas ejus sapere caepit...* Заканчивается курс словами: *Contemnent tamen eam malegrati in magistrum suum discipuli, bene in eundem utpote boni sui sollicito studiosum affecti manu, oculis et grata mente terent, versabunt in gloriam Dei rem suam et proximi unice mecum intenti.*

³⁶ В рязанской рукописи начинаются упражнения так: *Propositio. Adulationis vitium sedulo est fugiendum. Quia multis est exitium. Multos et vita et opibus privavit. Ex Aesaia 5 cap. Vae dicentibus album nigrum et nigrum album.* Заканчиваются словами: ... и яко денгам так, как показалось употребляемым немалую надобно выписати важность всеохотнейше признают.

³⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 32д (том 5). Л. 187–193v.

³⁸ Салоников Н. В. Рукописные курсы... С. 7.

³⁹ В связи с этим списком учеников «риторики», однако, возникает трудный вопрос, ответа на который пока нет: все ли упомянутые в списке ученики делали свои записи курса?

В упомянутом выше очерке истории Новгородской семинарии, который представлен в философском курсе Симона Лаговского, после слов о том, что Ямницкий и Миткевич в 1743 году приняли монашество и первый был назначен преподавателем класса риторики, а второй – «поэтики», говорится, что Ямницкий преподавал основы греческого языка: *Josepho etiam optima Graecae linguae initia debemus, cui docendae, quantum quidem per negotia alia licuit, annuo tempore operam dederat*, после чего следуют слова: *Anno 1744 in ordines sacros promoti sunt*⁴⁰. Это свидетельство хотя и означает, по-видимому, что Ямницкий год преподавал греческий язык, однако на основании его затруднительно сказать, в каком именно учебном году он его преподавал. Здесь же чуть ниже говорится о том, что с 1745 г. греческий преподавал Павел (в монашестве Парфений) Сопковский⁴¹.

Сведения о деятельности Ямницкого в 1744 г. дает чрезвычайно важный и интересный источник по истории Новгородской семинарии – упомянутый выше сборник «келейных писем» новгородского архиепископа Амвросия Юшкевича за 1744 г.⁴² Здесь среди прочего содержатся распоряжения, которые Юшкевич направлял в свою семинарию, и донесения Ямницкого, которые последний, как префект, посылал Юшкевичу. Из этой переписки можно видеть, что в 1744/5 уч. г. Юшкевич подумывал ввести в семинарии преподавание философии. В связи с этим он приказал Ямницкому прислать сведения о том, сколько учеников «школы» риторики *«могли б промоватись в философию»*. 10 июня 1744 г. Ямницкий сообщил, что *«з друголетних риторикы учеников (которих всех одиннадцать человек) девять, с перволетних (которих всех двадцать и семь человек) такоже девять добронадежно промовани бытъ могут в философию»*⁴³. Откуда видно, что к июню 1744 г. всего в «школе» риторики было уже 38 учеников.

Юшкевичу показалось, что восемнадцати учеников для «школы» философии мало, и, решив отложить преподавание философии до того времени, пока не наберется хотя бы тридцати учеников, он 25 июня отправил Ямницкому распоряжение, чтобы ученики, которые уже готовы изучать философию, продолжали совершенствоваться в риторике⁴⁴. За-

⁴⁰ ПГОИАХМЗ. Древлехранилище. Ф. 36. № 11. Л. 114v.

⁴¹ Там же. Л. 115.

⁴² Об этом сборнике см.: *Секретарь Л. А. «Келейные письма» Амвросия Юшкевича // Чело. 2003. № 3. С. 25–27*, а также: *Григорьева И. Л., Салоников Н. В. Интеллектуальная история Новгорода XVIII в. ... С. 74, 76–77.*

⁴³ ОПИ НГОМЗ. КП-30056-94/11234. Л. 26.

⁴⁴ *«... понеже малочисленное количество всего осматывать человек иметимется философии аудитора того ради философическому учению преподаватися сей год отставили, а намерены Богу изволивши действительно оному учению в предбудущий год учрежденну бытъ неотменно и уповаем, что божескою милостию хотя до тридцати человек набратся достойных в философию может, а сей год пусть ещо совершеннейшие риторической науке и греческому диалекту обучаются»* (ОПИ НГОМЗ.

тем Юшкевич приказал, чтобы риторику в 1744/5 уч. г. еще раз преподавал Ямницкий и «посоветовал» ему курс риторики снова «не диктовать», но чтобы те из учеников, которые курс риторики уже прошли, тверже заучивали курс прошлого года, а те, которые только начинают изучать риторику, переписывали этот курс, причем особое внимание уделить подготовке проповедей⁴⁵. Ямницкий, по-видимому, такого распоряжения не ожидал и собирался преподавать курс риторики, отличный от того, который он преподавал в 1743/4 уч. г., поэтому в письме от 29 августа он сообщал Юшкевичу, что намеревался диктовать в предстоящем учебном году курс риторики по книге *Elementa oratoria in usum gymnasiorum Vratislaviensium*. Речь шла, по всей видимости, об учебнике риторики Иоганна Фридриха Бурга (1689–1766), который появился относительно недавно (первое издание вышло в 1736 г.) и который широко использовался в России в последней трети XVIII – первой трети XIX в.⁴⁶ Ямницкий также писал, что как в предыдущем учебном году для того, чтобы ученики учились сочинять проповеди, он подбирал материал и делал с учениками риторические упражнения сперва на латинском, а затем на русском языке, так он будет делать и в следующем году⁴⁷.

Исходя из того, что учащимся, которые только в начале 1744/5 уч. г. перешли в «школу» риторики, предлагалось переписывать курс риторики прошлого 1743/4 уч. г., можно предположить, что не все записи этого курса сделаны теми учениками, которые проходили его именно в 1743/4 уч. г., но какие-то записи, возможно, сделаны теми, кто в этом году учился еще в «школе поэтики», и только в 1744/5 уч. г. учился в «риторике».

КП-30056-94/11234. Л. 27).

⁴⁵ Григорьева И. Л., Салоников Н. В. Интеллектуальная история Новгорода XVIII в. С. 77.

⁴⁶ Посохова Л. Ю. На перехресті культур, традицій, епох: православні колеґіуми України наприкінці XVII – на початку XIX ст. Харків, 2011. С. 109. В 1776 г. издание Бургиева учебника даже вышло в Москве.

⁴⁷ «Приискал я книжицу в осмуху надписуемую *Elementa oratoria in usum gymnasiorum Vratislaviensium*, которая и кратко и латво и порядочно составлена и того ради я оную намерил было *facto delectu maxime praescipio* в семинарии Вашего высокопреосвященства диктовать, а понеже воспоследовал милостиво повелительный архипастиря моего приказ, чтоб вновь риторики не писать, но новопроизведеннии в риторику тую ж бывшими же написанную переписывали б, как во всем так и в сем волю и высокое повеление господина и архипастиря моего всеобдолженнейше лобизаю. Чтоб же поручении мне ученики навикали найпаче сложению проповеди слова Божия, что церкви Христовой нужное есть, в том как первый год по силе и должности моей не оставался я, ово сам прискуючи *materias ad recte componendos mores et doctrinam in concionando non inepte proponendam et auditori imprimendam aptas* и самие тие материи перво латинским а опосля руским диалектом с учениками по силе правил риторических амплификуючи, ово ученикам подобие материи по тому ж примеру назначиваючи, так и в следующий год, сколько всемогущая Божая пособит сила, о должности моей не вознеражу» (ОПИ НГОМЗ. КП-30056-94/11234. Л. 201 об.–202).

Мне известна только одна запись курса риторики, которая относится к 1744/5 уч. г. Она содержится в одной из рукописей новгородского происхождения, хранящихся в Псковском музее-заповеднике: ПГОИАХМЗ. Древлехранилище. Ф. 640, шифр 6 (форматом «в четверть»). Л. 1–135 об. Общее заглавие курса читается здесь так: *Liber de arte rhetorica abs juventute, quam fovet seminarium Novo-grodo-Ambrosianum proximo superiore anno et calamis et ingeniis tritus nunc denuo sub celsissimis auspiciis illustrissimi domini куп Ambrosii Juszkevicz archiepiscopi Velico-novo-grodensis et Velico-lucensis scribi et explicari caeptus in dicto seminario per servum suae archipraesuleae celsitudinis actam artem iterantem longe dignissimum hieromonachum Josephum Jannicky anno, ex quo verbum Dei in cute mortali legi caeptum est, supra millesimum septingentesimo quadragesimo quarto Septembris decima.* В конце курса имеется помета, сделанная почерком Ямницкого: *Utere gratus laboribus alienis in rem tuam susceptis.*

Курс риторики в рукописи № 6 действительно совпадает с курсом 1743/4 уч. г. Отличается только предисловие, которое в рукописи № 6 носит название *Stimulus ad veteranos et tyrones eloquentiae cultores* (лл. 3–5), откуда видно, что преподаватель обращается и к тем, кто только приступает к изучению риторики, и к тем, кто изучает ее уже не первый год⁴⁸. Это предисловие – однако, без общего заглавия, без записи самого курса и без указания на время, к которому оно относится – имеется также в упомянутых выше рукописях киевской (лл. 445–446 об.), псковской № 5 (лл. 187–188 об.), где оно написано тем же почерком, что и курс риторики 1743/4 уч. г., и рязанской 8622 (л. 129), где оно написано почерком Стефана Лаговского. Кроме того, это же предисловие находится в хранящейся в фонде редких книг Ярославского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника рукописи формата «в четверть» под шифром 18073⁴⁹ (лл. 155–156 об.).

В тех же четырех рукописях после этого предисловия идут риторические упражнения, которые также, по-видимому, относятся к тому, чем занимались ученики в «школе» риторики в 1744/5 уч. г.

В киевской рукописи они находятся на лл. 447–504 и озаглавлены: *Praxes ad usum juventutis in schola a praeceptore confectae.* Начало упражнений здесь написано тем же почерком, что и *Stimulus.*

⁴⁸ Начинается предисловие здесь словами: *Et quos denuo ori meo addictos et quos ex eodem ut pendeant primum huc non parva frequentia confluisse video, est quod utrisque nihil laeso jure gratuler.*

⁴⁹ По каталогу В. В. Лукьянова № 782 (*Лукьянов В. В.* Краткое описание коллекции рукописей Ярославского областного краеведческого музея. Ярославль, 1958). Здесь рукопись значится как «*Литтика Амеросия, архиепископа Новгородского*». На лл. 1–154 об. в ней содержится запись курса поэтики, который преподавался в Новгородской семинарии в 1742/3 уч. г.

В псковской рукописи № 5 эти упражнения находятся на лл. 189–259 и озаглавлены: *Praxes in schola rhetorica a praeceptore ad usum juventutis elatae anno 1745*. Они написаны тем же почерком, что и курс риторики 1743/4 уч. г. После текста упражнений на л. 259 почерком Ямницкого написано: *Ut laboribus istis e re tua utaris, meum est ex animo optare tuum aequae ex animo curare*.

В рязанской рукописи 8622 эти упражнения находятся на лл. 137–222 об. и озаглавлены: *Praxes scholasticae ab eruditissimo cultissimo rhetorices praeceptore dignissimo jeromonacho Josepho Jamnicki tam pie ac prudenter ex tempore quidem confectae in annum 1745*. Здесь отдельные места написаны почерком Стефана Лаговского (например, лл. 137–139, 140 об.–42 об., 143 об.–144, 222–222 об.). После текста упражнений на л. 222 об. почерком Ямницкого написано: *Si qua usum praestare poterunt, utere faelix, nos quod et quantum potuimus, Deo adjutore praestitimus*.

В ярославской рукописи эти упражнения находятся на лл. 156 об.–233 и написаны тем же почерком, каким написаны тетради № 2 и 9 в рукописях № 4 и № 5 (они имеют сквозную нумерацию тетрадей) из фонда Новгородской семинарии в ОР РНБ, со списком части богословского курса, который преподавал в Киевской академии Иосиф Волчанский (1721–1725 гг.), сделанным новгородскими семинаристами, по-видимому, в 1744 г.⁵⁰ После текста упражнений на л. 233 рукой Ямницкого написано: *Haec sunt, quae in rem tuam effudimus, tuum erit alienis laboribus tuo bono uti*.

Если сравнить записи этих упражнений с записями курса риторики 1743/4 уч. г., то можно заметить, что записи курса риторики почти дословно совпадают друг с другом, в то время как записи упражнений иногда значительно отличаются. Так, в киевской, псковской и ярославской рукописях начало одинаково: тема первого упражнения – положение: *Laedis me innocentem*. В рязанской же рукописи тема первого упражнения – положение: *Dignitas tua multis addit stimulos*. Однако завер-

⁵⁰ Рукописи № 4 и № 5 образуют две части единого целого и представляют прекрасный пример того, что в Новгородской семинарии существовала практика переписывать рукописи по отдельным тетрадям. Практика эта засвидетельствована также рукописями, переписанными в Киевской академии, по образцу которой она, видимо, и существовала в Новгородской семинарии. Рукописи № 4 и № 5 – не единственный случай потетрадного переписывания рукописей в Новгородской семинарии, однако этот случай особый, поскольку известен как апограф, так и протограф (рукопись № 22 из того же фонда Новгородской семинарии), а кроме того, что особенно ценно, в упомянутом сборнике «Келейных писем» Юшкевича содержатся два письма Юшкевича и Ямницкого, которые эксплицитно свидетельствуют эту практику – письмо Юшкевича Ямницкому от 30 июня, с которым рукопись № 22 направлялась из Москвы в Новгород, чтобы там семинаристы сделали список ее (лл. 97–97 об.), и ответ Ямницкого Юшкевичу от 4 августа (лл. 140–140 об.). Об этом подробнее см.: *Суториус К. В.* Рукописи с богословскими лекциями Иосифа Волчанского из библиотеки Новгородской духовной семинарии // Лихудовские чтения: материалы науч. конф. «Вторые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 24–26 мая 2004 г. Великий Новгород, 2009. С. 125–138.

шает упражнения в киевской, рязанской и ярославской рукописях письмо, в котором автор сообщает своему другу о том, что в семинарии началось преподавание «диалектики» (в рязанской рукописи – лл. 222–222 об., в киевской – лл. 499–499 об., в ярославской – лл. 232 об.–233). В псковской же рукописи это письмо находится на л. 254, а на лл. 254 об.–259 находятся упражнения, которые в киевской, рязанской и ярославской рукописях находятся перед этим письмом. В киевской рукописи на лл. 500–504 находится *oratio magna* на тему *Gravissimum malum est discipulus malus*, которая написана почерком, отличающимся от того, каким написана остальная часть этих упражнений. В псковской рукописи она находится на лл. 240–245 об., но почерк, каким она написана, также отличается от того, каким написана остальная часть упражнений. В ярославской же рукописи эта *oratio* находится на лл. 212 об.–218 и написана тем же почерком, что и остальные упражнения.

В упомянутом письме, которым заканчиваются упражнения в киевской, рязанской и ярославской рукописях, в частности говорится: *Dialecticam scientiam hactenus in seminario nostro neque calamis neque mentibus tritam hac currentis Aprilis supra vigesimam 2da ex ore praeceptoris incipientes in chartam conjicere cepimus*. Вместе с датой, которая указана в названии упражнений в рязанской рукописи, эти слова можно рассматривать как свидетельство того, что эти упражнения относятся к 1744/5 уч. г.⁵¹

С занятиями в «школе» риторики в 1744/5 уч. г., по-видимому, также связаны несколько риторических упражнений, которые находятся в рукописи, хранящейся в библиотеке Академии наук Беларуси: Ф. 23. Оп. 1. № 351 (формат «в четверть»). Это – сборник, который включает в себя запись курса риторики, преподававшегося в Новгородской семинарии в 1748/9 уч. г., а также учебные материалы конца 1740-х – начала 1750-х гг. Однако на лл. 182–203 об. содержатся материалы более раннего времени. Почти все эти материалы написаны почерком Лаговского. Первой идет *Oratio, qua usus suppositionis dialectices commendatur* (лл. 182–7 об.), и указано, что *Exordium sumitur ex eo, quod hactenus in nostro seminario de tali materia perorare non licuerat*. Эти слова, возможно, указывают на то, что речь составлена тогда, когда в Новгородской семинарии впервые преподавался курс «диалектики». За этой речью следует интересная *Epistula, in qua amicus amicum monet pompam, qua*

⁵¹ Поскольку состав этого сборника упражнений в разных записях отличается, то я приведу фрагменты из начала и конца его, которые совпадают в большинстве известных мне рукописей. В трех из четырех записей начинаются упражнения словами: *Laedis me innocentem. Non verbo lacessitus ne dicam majori injuria affectus forsitan etiam officii abs me devinctus, quod me attinet innocentissime, quod tuas concernit partes, laedis hominem impudentissime*. Письмо же о преподавании «диалектики», которое имеется во всех четырех записях, заканчивается словами: *cum homini medico parare tum Deum summum illum medicum crebris fatigare precibus antiquissimum ducito. Melius vale, quam vales*.

elatum est corpus beati antistitis Ambrosii 1745 anno Junii Ima (лл. 187 об.–190). В некоторых местах этого письма рукою Ямницкого сделаны исправления, а в конце на л. 189 об. написано: *Accipio laborem; e re tua erit, si suppetente otio aliqua adornare non gravaberis, после чего почерком Лаговского дописано продолжение письма, где в частности говорится о месте погребения Юшкевича.*

В киевской и псковской рукописях имеется еще одна группа риторических упражнений. В киевской рукописи она находится на лл. 361–441 об. и озаглавлена: *Praxes in schola a praeceptore ad usum juventutis elaboratae*. На л. 441 об. после текста упражнений рукою Ямницкого написано: *Confer tritiores, quas ipse in chartam retulisti cum novioribus, in quibus describendis aliena opera usures. Interea laborem et diligentiam accipio*. В псковской рукописи эти упражнения находятся на лл. 102–186 об. и озаглавлены: *Praxes a rhetorices professore ad usum ejusdem rhetorices discipulorum in schola confectae*. Они написаны тем же почерком, что и курс риторики 1743/4 уч. г. На л. 102 на нижнем поле помечено *anno 1744*. Это может указывать как на то, что данные упражнения относятся ко второй половине 1743/4 уч. г., так и на то, что они относятся к 1744/5 уч. г. В пользу 1743/4 уч. г. свидетельствуют, как кажется, следующие обстоятельства. Во-первых, в обеих рукописях материалы переплетены в хронологическом порядке и данные упражнения находятся между курсом риторики 1743/4 уч. г. и предисловием к курсу риторики 1744/5 уч. г. Во-вторых, в псковской рукописи на л. 161 находится *Inscriptio sepulchralis r. p.*, а справа на поле тем же почерком дописано *abbati et rectori Innocentio seminarii Novogrodensis*; имеется в виду Иннокентий Мегалевич, который умер 2 апреля 1744 г.⁵²

Наконец, к тому, что преподавалось в 1744/5 уч. г. в «школе» риторики, надо также отнести курс диалектики (т. е. формальной логики), который был начат 22 апреля 1745 г. и которому было посвящено упомянутое письмо из риторических упражнений. Этот курс засвидетельствован следующими рукописями:

Псковская № 5 (лл. 260–313 об.), где курс диалектики написан тем же почерком, что и курс риторики 1743/4 уч. г. В конце диалектики на л. 313 об. имеется помета, сделанная почерком Ямницкого: *Lege et sequere, quae alienus tibi paravit labor*.

Рязанская 8622 (лл. 313–82 об.). Начало курса здесь записано рукою Лаговского. В конце (л. 382 об.) имеется помета почерком Ямницкого: *Aura gratiae nunquam non comitatur gloriam Dei et rem suam curantes*.

⁵² В обеих записях эта группа упражнений начинается словами: *Modi amplificandi* (В киевской рукописи слова *Modi amplificandi* отсутствуют). *Deus optimus maximus in puniendo justissimus, in miserendo clementissimus, in amando benignissimus, piissimus Deus*, а заканчивается фразой: *Ratum id fore optimi Dei benignitas, quae mihi nusquam nec discedenti nec redeunti defuit, spem facit omni dubio superiorem*.

Упомянутая выше рукопись № 36 из фонда Новгородской семинарии в ОР РНБ (лл. 1–48 об.). «Диалектика» здесь написана тем же почерком, что и тетрадь № 59 в указанной выше рукописи под шифром 5 из фонда Новгородской семинарии с переписанной новгородскими семинаристами частью богословского курса Иосифа Волчанского. Запись в рукописи № 36 интересна тем, что в ней имеются сделанные почерком Ямницкого пометы на полях (например, лл. 2 об.–6, 12 об.) и написаны некоторые места в самом тексте (например, на лл. 6, 13, 30, 30 об., 38, 46), в том числе последний абзац в конце всего курса (лл. 48–48 об.).

Еще одна рукопись из фонда Новгородской семинарии: № 38 (старый шифр 6732). В этой рукописи формата «в лист» диалектика, преподававшаяся в конце курса риторики 1744/5 уч. г., находится на лл. 1–38 (далее здесь идет еще «диалектика», которая преподавалась в начале курса философии в 1746/7 уч. г.). Титульный лист диалектики отсутствует. Почерк, которым сделана эта запись, очень похож на почерк, каким написаны риторические упражнения за 1744/5 уч. г. в ярославской рукописи. В конце курса имеется помета: *Scriptis I. Ch.* Ниже почерком Ямницкого написано: *τὴν χάριν ne negligas, profectus haud difficulter sequetur.*

Согласно известным записям этот курс диалектики имеет общее заглавие: *DIALECTICA SEU DISCURSIVA SCIENTIA post triennium rhetoricum duce hieromonacho Josepho Jamnicky bonam partem emensum nunc primum bono numine auspice in seminario VelikoNovogrodo-Ambrosiano ad usum rhetotices ejusdem seminarii discipulorum eodem duce ad majorem maximi Dei honorem scribi atque teri caepta anno a Christo nato 1745 Aprilis 22da*⁵³.

14 августа 1744 г. Ямницкий по приказу Юшкевича сообщал ему, сколько студентов и в каком классе должно приступить к занятиям в начале 1744/5 уч. г. в Новгородской семинарии. Согласно этим сведениям, «риторика 80 учеников имети будет»⁵⁴, также и в ведомости о новгородских семинаристах за 1744/5 уч. г., которая была направлена в Синод 30 марта 1745 г. (РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 32д. Л. 559–598), в классе риторики числится 80 учеников. Сегодня вызывает, конечно, недоумение, как преподавателю удавалось заниматься с таким количеством студентов в одном классе. Однако, для сравнения, в Киевской академии в период с 1738/9 по 1744/5 уч. г. в школе риторики не было

⁵³ Открывается курс предисловием (*Praefatio ad studiosos dialecticae*), которое начинается словами: *Tandem aliquando aggrediamur integri triennii, quod eloquentiae, candidi juvenes, cum alios tum nos bonam partem duces secuti non inutiliter pro suo unusquisque studio impendistis, quandem quasi coronam.* Заканчивается этот курс «диалектики» словами: *Neminem ille unquam deserit, nisi qui se ipsum deserit: sit nomen ejus benedictum in omne aevum. Finis et infinitae majestati gloria.*

⁵⁴ ОПИ НГОМЗ. КП-30056-94/11234. Л. 143.

меньше 90 учеников, а в 1744/5 уч. г. их в ведомости значится 208⁵⁵.

В 1745/6 уч. г. Ямницкий третий год преподавал риторику. В настоящее время неизвестно какой-либо записи курса риторики, в которой имелось бы указание на то, что данный курс преподавался в 1745/6 уч. г. в Новгородской семинарии. Однако, возможно, запись такого курса содержится в хранящейся в ОР РНБ в фонде Новгородской семинарии рукописи № 53 (старый шифр 6748) формата «в лист» (лл. 1–162 об.). Во всяком случае, рукопись № 53 каким-то образом с преподаванием риторики в Новгородской семинарии этого времени связана. В записи нет титульного листа и нет предисловия. Курс делится на 8 «наставлений» (*praecepta*)⁵⁶.

На новгородское происхождение рукописи № 53 косвенным образом могут указывать следующие особенности. Во-первых, запись сделана двумя почерками: одним – лл. 1–24 об., до подзаголовка *Articulus 4. De conjugatis* включительно, а начиная с текста этого подраздела на л. 24 об. и до конца – другим. Второй почерк принадлежит, по видимому, Стефану Лаговскому. Во-вторых, на л. 82 находится помета на поле справа, сделанная почерком Ямницкого. В-третьих, приводимые в курсе примеры указывают, как кажется, на его связь с Новгородом. Так, в «наставлении» 7-м (*Praeceptum 7. De orationibus, quas vocant officiosas*), в главе 4-й (*Caput 4. De hospitum salutatione et valedictione*) написано: *Pro exemplo doctrinae sit gratulatio illustrissimi et celsissimi domini domini Ambrosii Juszkewicz archiepiscopi WelykoNowogradensis munificentissimi scholarum fundatoris et strenuissimi protectoris, dum suum praeclarum seminarium invisebat* (л. 130 об.). В «наставлении» 6-м (*Praeceptum 6. De epistolis*), в главе 4-й (*Caput 4. De epistolis generis judicialis*) написано: *Postremo aut adhortabimur, ne iterum amicus peccet, aut petemus, ut neglectum compenset amicus, aut comminabimur etc. Exemplum hujus subjungo, quod probatissimum in probatissimi oratoris Ukrainensis Stephani Kalinowskij praeceptionibus de arte rhetorica inveni.*

Гораздо надежнее засвидетельствованы относящиеся к занятиям в «школе» риторики в 1745/6 уч. г. упражнения. Они известны в следую-

⁵⁵ Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии. Отделение II. Т. 1, Ч. 2. Киев, 1904. С. 237.

⁵⁶ Первое «наставление» (*Praeceptum 1. Proponuntur prolegomena rhetorices*) начинается фразой: *Series capitum praecepti primi. Caput 1um rhetoricae notationem, definitionem, materiam, finem et oratoris officium absolvet, 2um erit de quaestione, statu, causa et crimino, 3tium de genere seu caractere dicendi, 4tum de eloquentiae adminiculis*. Последнее «наставление» (*Praeceptum 8. De sacra eloquentia, ubi pauca de memoria et pronuntiatione*) состоит из 4 глав. Последняя глава (*Caput 4. De pronuntiatione et gestibus*) состоит из 3 параграфов. Последний параграф (§ 3. *Regulae artificiosae pronuntiationis et actionis ex Cicerone et Quintiliano potissimum collectae a patre Joanne Voello Soc. Jesu*) заканчивается словами: *Et haec pauca praecepta diligenti rhetori sufficient, plura vero usus magister docebit. Nos tandem annali coronidem imponentes labori, cujus auxilio et gratia adjuti scholasticis inhaerebamus laboribus ore et corde uni et trino Deo canamus: Sit tibi laus et honor in saecula saeculorum. Amen.*

щих записях:

Упомянутая выше рязанская рукопись 8622, лл. 224–308. Здесь упражнения записаны почерком Лаговского и озаглавлены *PRAXES 3. an. id est in annum 1746 post Christum natum eodem praeceptore fusae*.

Упомянутая выше ярославская рукопись лл. 236–279 об. Лист, с которого начинаются упражнения 1745/6 уч. г., сильно поврежден и заглавие их читается не полностью: *Praxes a reverendissimo patre Novogro[densis] seminarii praefecto tertium [] tradendis impenden[] hуегомонаcho J[] e[]*. Записаны эти упражнения тем же почерком, что и содержащиеся в ярославской рукописи упражнения 1744/5 уч. г.

Псковский музей-заповедник, Древлехранилище, ф. 640, шифр 12, лл. 1–64. В этой рукописи формата «в четверть» риторические упражнения 1745/6 уч. г. записаны тем же почерком, что и курс риторики 1743/4 уч. г. в псковской рукописи № 5, и озаглавлены *PRAXES in schola rhetorica a praeceptore ad usum juventutis elaboratae*. На л. 1 на нижнем поле тем же почерком сделана помета *Anno 1746*.

Некоторые из упражнений содержат указания на даты, которые подтверждают, что этот сборник упражнений относится к 1745/6 уч. г. Так, в псковской рукописи на лл. 17–18, а в ярославской на лл. 253 об.–255 об. находится учебное письмо, где рассказывается случай, как префект пришел рано утром в семинарию с проверкой и обнаружил, что ученики остальных классов уже собираются приступить к своим упражнениям, в то время как его собственные ученики (ученики «школы» риторики) еще спят, за что префект, несмотря на свою мягкость, распорядился «риторов» выпороть. В конце этого письма указана дата 25 октября 1745 г. В псковской рукописи на лл. 32 об.–33 находится письмо, в котором автор вспоминает о том, как год назад 7 декабря он вместе со своими товарищами произносил речи в присутствии Амвросия Юшкевича. Заканчивается письмо словами *Dabo quarta post nuncupata vota die anno 1745*. В псковской же рукописи на лл. 62 об.–64 находится письмо, в котором сообщается о побеге из семинарии двух учеников, причем один из них был учеником «школы» риторики. В конце этого письма указаны и время и место *Dabam e seminario Novogrodensi anno 1746 1ma Martii*. В ярославской рукописи на лл. 265 об.–266 находится письмо, в котором один корреспондент поздравляет другого с праздником Пасхи. Заканчивается это письмо словами *Dabam e seminario 1746 Aprilis 9*⁵⁷.

⁵⁷ В 1746 г. Пасха приходилась на 30 марта по юлианскому календарю. В письме приводится также толкование евангельского сюжета о том, как воин пронзил копьем бок Иисуса Христа на кресте. Заканчивается этот экзегетический пассаж словами: *Vides, mi Petre, quid tanta de re Josephus tuus sentiat*. Если эти имена не литературная фикция, то приведенная фраза может указывать на то, что ученика, почерком которого написаны риторические упражнения в ярославской рукописи, звали *Иосиф*. Это не противоречит приведенным выше словам в конце «Диалектики», которая преподавалась в 1744/5 уч. г., из рукописи № 38: *Scriptis I. Ch*. В ведомости о новгородских семинаристах за 1744/5 уч. г., которая была направлена в Синод 30 марта 1745 г. (РГИА. Ф. 796. Оп. 18.

Далее на лл. 266–267 следует ответное письмо, которое заканчивается словами *Dabam anno 1746 Aprilis 11 e seminario*.

Записи упражнений 1745/6 уч. г., как и записи упражнений 1744/5 уч. г., отличаются друг от друга сильнее, чем отличаются записи курса риторики 1743/4 уч. г. или записи диалектики 1744/5 уч. г. Так, в псковской рукописи тема первого упражнения – положение *Fugamus et fugabimus in virtute crucis omnes adversitates* (л. 1). В ярославской рукописи от первого листа этого сборника (л. 236) сохранилась лишь его верхняя часть (примерно, на одну пятую). Находящийся на л. 236 об. фрагмент текста относится к тому же упражнению, с которого начинается этот сборник в псковской рукописи⁵⁸. Однако начало его внизу л. 236 должно было занимать, примерно, 4 строки, места же здесь после общего заглавия упражнений оставалось, примерно, на 13 строк. Поэтому можно предположить, что на л. 236 этому упражнению предшествовало еще какое-то. В рязанской рукописи тема первого упражнения – *Iustitia est virtus suum unicuique tribuens* (л. 224), после чего следует упражнение на тему *Viget et vigebit Ambrosii nomen*, рядом с темой которого на поле слева указана дата *ex anno 1745 Septembris 13*. Также и в псковской рукописи вторым идет упражнение на эту тему (л. 1). В рукописи ярославской текст, который находится в начале л. 237, относится к тому же упражнению. Однако, в то время как в псковской рукописи предшествующая этому месту часть упражнения занимает 22 строки на лл. 1–1 об., в ярославской на л. 236 об. после предыдущего упражнения на нее должно было бы приходиться только, примерно, 9 строк, причем в ярославской рукописи письмо здесь более крупное, чем в псковской и, соответственно, один и тот же текст в ней занимал больше места, чем в псковской. В связи с этим судить о том, как это упражнение начиналось в ярославской рукописи, затруднительно⁵⁹.

Д. 32д. Лл. 559–598), в классе риторики значатся только два ученика с именем Иосиф. Первый – под № 42 «Города Старья Русы церкви Воскресения Христова дьячка Дмитрия Стефанова сын Иосиф», которому дается оценка «изряден». В ведомости за 1743/4 уч. г. он также указан среди учеников «риторики» под № 27 с оценкой «поятен». Второй – под № 52 «Города Гданска купца Адама Кутшевича сын Иосиф», которому дается оценка «средствен». В ведомости за 1743/4 уч. г. он указан еще среди учеников «поэтики» под № 36. Если почерк, которым написаны упражнения в ярославской рукописи, принадлежит одному из этих двух учеников, то, по-видимому, – это Иосиф из Старой Русы.

⁵⁸ В псковской рукописи это упражнение начинается словами: *Perquam facile ac paene nullo negotio vi atque virtute crucis muniti tela atque impetus hostium capiti id est animae nostrae infestos arcemus, retundimus*. Здесь же на поле указано: *Per additionem synonymorum*.

⁵⁹ В псковской и рязанской рукописях это упражнение начинается словами: *Mores (в рязанской надписано vel splendor morum) atque honores Ambrosiani (в рязанской надписано honorum Ambrosianorum) esto princeps luminar in luce atque splendore suo deficiat nulla oblivionis eclipsi infici nedum perimi possunt*. В рязанской перед этой фразой написано *Per simplicem periodum*, в псковской этих слов нет, но на поле указано *Per addi-*

Заканчиваются упражнения в рязанской рукописи письмом, в котором один корреспондент сообщает другому о том, что какой-то их общий знакомый в присутствии других людей стал клеветать на последнего, и ответом на это письмо. В псковской же рукописи после этой пары писем следует упомянутое выше письмо о бегстве учеников, которым упражнения и заканчиваются. В ярославской рукописи также имеется эта пара писем (лл. 267–267 об.), однако оба письма не полностью: окончание первого письма должно было находиться на л. 267 об. сверху, однако здесь оставлено свободное место примерно для пяти строк, после чего идет ответное письмо, окончание которого должно было находиться на л. 268, однако лл. 268–271, образующие тетрадку из четырех листов, чистые, так что недостает примерно трети ответного письма⁶⁰. Затем в ярославской рукописи следуют сперва на латинском языке (лл. 272–273 об.), а потом на русском (начиная с л. 273 об.) упражнения в гомилетике на тему «Сего ради явился Сын Божий, да разрушит дела диавола» (1 Ин. 3), но в конце л. 279 об. текст обрывается и начиная с л. 281 идут *Fabulae Aesopi*. Остается не вполне понятным, относятся ли эти упражнения в гомилетике к Прахес 1745/6 уч. г. или нет.

С началом следующего, 1746/7, учебного года Ямницкий начинает преподавать двухлетний курс философии, который заканчивает в конце 1747/8 уч. г. Риторику в это время Ямницкий уже, по всей видимости, не преподает.

В известных записях курс открывается обращением к студентам, которое озаглавлено *Adhortatio ad philosophiae candidatos*, после чего следуют разделы:

Disputatio proemialis de philosophia in communi.

Introductio in logicam vulgo dialectica.

Organum Aristotelis hoc est logica.

Metaphysica.

Physica sive naturalis scientia.

Философский курс Ямницкого засвидетельствован лучше других, преподававшихся в Новгородской семинарии. В настоящее время известны его следующие записи:

ОР РНБ, ф. 522 (Новгородская духовная семинария), шифр 37 (старый шифр 6731), которая содержит все разделы: предварительное рассуждение (лл. 2 об.–6 об.), «диалектику» (лл. 6 об.–20), «логику» (лл. 20–110 об.), «метафизику» (лл. 111–127 об.) и «физику» (лл. 141–327). Эта рукопись формата «в лист» написана тремя почерками. Первый из них, которым написаны лл. 1–200 об., принадлежит самому Ям-

tionem synonymorum.

⁶⁰ В известных рукописях это письмо начинается словами: *De literis, quas nuper ad me dedisti, gratias tibi habeo haud vulgares, ex iis enim intellexi, quam vehementer nostro de nomine labores, sed quam frustra ipse videris.* В псковской рукописи письму предшествует заголовок *Responsoria ad praecedentem*, в рязанской – только *Responsoria*.

ническому; вторым почерком написаны лл. 201–280 об., третьим – лл. 281–327. На листах, написанных вторым и третьим почерками, находится несколько помет, сделанных рукою Ямницкого (например, на лл. 202 об., 206, 327). На л. 1 на нижнем поле помечено: *Философия Иосифа Ямницкого. Том I* На л. 141 в начале «Физики» на нижнем поле тем же почерком помечено: *философии Ямницкого pars II*

Упомянутая выше рукопись № 38 из того же фонда Новгородской семинарии, лл. 39–195 об., которая также содержит все разделы: предварительное рассуждение (лл. 40 об.–44 об.), «диалектику» (лл. 45–58), «логику» (лл. 58 об.–102), «метафизику» (лл. 103–109 об.) и «физику» (лл. 117–195 об.). Последняя, однако, без окончания, текст ее заканчивается на 3-м параграфе 3-го артикула последнего рассуждения «специальной физики» словами: ... *ex Aristotele lib. 2. de anima cap. 2.* В рукописи № 37 это место находится на л. 312 об. и далее следуют слова: *at tactus inest tantum partibus nervosis, ergo et sensus in communi*, которыми этот параграф и заканчивается. Большая часть философского курса в рукописи № 38 написана, кажется, одним почерком, который очень похож на почерк, каким написан курс «диалектики», преподававшейся в конце курса риторики в 1744/5 уч. г., из той же рукописи, риторические упражнения за 1744/5 и 1745/6 уч. г. из ярославской рукописи, а также написаны тетради № 2 и 9 в рукописи № 4 из фонда Новгородской семинарии. В некоторых местах, однако, почерк отличается. Так, лл. 89–89 об. написаны другим почерком, лл. 108–108 об., 115–116 об., 195 об.–198 об. – третьим, лл. 121 и 173 об.–174 об. – четвертым. Последний, кажется, можно отождествить с почерком, каким написана тетрадь № 12 в рукописи № 4.

Третья известная запись состоит из двух частей. Обе хранятся в Рязанском музее-заповеднике: первая часть – рукопись КП-8839 формата «в четверть», где содержатся вводное рассуждение, «диалектика» (лл. 11–41 об.), «логика» (лл. 42–214) и «метафизика» (лл. 216–52), вторая часть – рукопись КП-8860 также форматом «в четверть», где содержится только «физика» (лл. 2–312 об.). Обе рукописи принадлежали Симону Лаговскому, о чем свидетельствуют владельческие записи *Ex libris abbatis Simonis L.* (в рукописи 8839 на лл. 1–2, в рукописи 8860 на лл. 2–3). Примерно половина рукописи 8839 написана рукою Лаговского, но встречается и около десятка других почерков. Один из них (встречается на лл. 130, 134 об.–135, 150) совпадает с почерком, которым написаны 201–280 об. в вышеупомянутой рукописи № 37. В рукописи же 8860 рукою Лаговского написаны начало и небольшие фрагменты (лл. 2–4, 77–80 об., 163–173 об., 174 об.–192), но большая часть записи сделана двумя другими почерками.

Известные рукописи дают общее заглавие курса: *CURSUS PHILOSOPHIAE duorum annorum curriculis pro more EMETIENDUS in schola Welikonovogrodensi nunc primum ad usum ejusdem scholae*

discipulorum bono Deo auspice teri atque decurri CAEPTUS anno a Christo nato 1746 e 13tia Septembris.

В первый год этого курса преподавались помимо вводного рассуждения также «диалектика», «логика» и «метафизика». На то, что метафизика преподавалась после логики, указывают слова из предисловия к метафизике: *Nos non abs re cum plerisque ducimus ipsam physicae praemittendam logicaeque statim subjungendam.* После метафизики в известных рукописях находятся «аксиомы», которые обсуждает в своем руководстве по философии Иоганн Адам Шерцер (1628–1683), и говорится, что они даются для дополнения первой половины философского курса (*Pro complemento dimidiatae philosophiae addo axiomata rei philosophicae commodum inservientia per Schertzerum in suo manuali resoluta*)⁶¹. У Шерцера «аксиомы» состоят из 19 «заголовков» (*tituli*), которые подразделяются на «правила» (*regulae*). У Ямницкого же «аксиомы» даются в значительно сокращенном виде. В рукописи № 37 «аксиомы» находятся на лл. 128–140 об. и включают 11 «заголовков»; на нижнем поле л. 140 об. имеется реклама *Titulus 12*, однако на следующем л. 141 уже начинается «Физика». В рукописи № 38 «аксиомы» находятся на лл. 110–116 об. и текст обрывается здесь на 10-м «правиле» 9-го «заголовка» (есть только формулировка «правила»). В рязанской рукописи 8839 «аксиомы» находятся на лл. 252–288 об. и содер- жатся здесь полностью.

Во второй год преподавалась «физика». В рязанской рукописи 8860 на л. 2 на левом поле помечено: *caepit dictari 1747 Septembris 9.* «Физика» делится на две части: общую (*generalis*) и особую (*specialis*). В той же рязанской рукописи в конце первой части на л. 169 на правом поле помечено: *finita est ph[ysica] generalis Mart[i] 19. 1748.* Последний абзац второй части начинается словами: *Atque sic labor biennii exspiravit.* Это означает, что «физика» была последним разделом в философском курсе Ямницкого.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в известных записях не встречается следов такого раздела, как «этика». В то же время в философских курсах Киево-Могилянской академии, начиная, по крайней мере, с курса 1729–1731 гг., который преподавал Стефан Калиновский, «этика» была, в том числе, судя по хранящейся в ИР НБУВ рукописи под шифром ДА/50п⁶², в курсе 1737–1739 гг., который, как говорилось выше, проходил сам Ямницкий и который преподавал Сильвестр Кулябка.

Г. И. Светлов сообщает, что в 1746/7 уч. г. в «школу» философии из риторики перешло 25 человек⁶³. Ямницкий, как и учителя философии

⁶¹ Речь идет о книге Scherzer Johannes. *Vademecum seu Manuale philosophicum* (первое издание – Lipsiae, 1654).

⁶² За информацию об этой рукописи выражаю благодарность М. В. Сымчычу.

⁶³ Светлов Г. И. Краткий очерк истории Новгородской духовной семинарии. С. 87.

в Киевской академии, преподавал философию последовательно и в 1747/8 уч. г., по всей видимости, не преподавал одновременно с «физикой» снова тех разделов философии, которые он преподавал в 1746/7 уч. г. Соответственно, если учащиеся, которые в 1746/7 уч. г. занимались в «риторике», желали в перейти к изучению философского курса с начала, то им надо было ждать следующего курса, который должен был начаться в 1748/9 уч. г.

Большой удачей надо считать то, что одна из известных записей философского курса, который преподавал Ямницкий, – рукопись № 37 – на две почти трети написана рукою самого преподавателя. Естественно было бы предположить, что этой рукописью Ямницкий пользовался, когда преподавал свой курс, а остальные записи курса, сделанные, по всей видимости, студентами, происходят от нее. Однако при ближайшем рассмотрении отношение рукописи № 37 с записями студентов не вполне укладывается в схему протограф-апограф. Примером тому может служить окончание «Логики»:

рукопись № 37 (л. 110 об.)	рукопись № 38 (л. 102) и рязанская 8839 (л. 214)
<p>5. <i>Quicumque caret appetitu sensitivo, ille caret affectibus (est definitio affectus), atqui Deus caret appetitu sensitivo (per syllogismum 4tum), ergo Deus caret affectibus. Et haec methodus maxime propria est iis, qui disputaturi in literariam arenam convenerunt. Quae ut usum praestet, non semel ad exercitium vocanda est, sicut et omnia, in quibus cum calamo tum ore atque mente terendis hactenus desudavimus. Porro cedit nobis utiliter logica, si, quod cedet volumus, cedit eadem in honorem et gloriam τῷ δι' ἡμᾶς ἐνανθρωπήσαντι λόγῳ, cui omnis honor et gloria ab omnibus ex omnibus et per omnia debetur in omne aevum.</i></p>	<p>5. <i>Quicumque caret appetitu sensitivo, ille caret affectibus (est definitio affectus), atqui Deus caret appetitu sensitivo (per syllogismum 4tum), ergo Deus caret affectibus. Prior methodus maxime propria est iis, qui argumentis conflictaturi in literariam arenam convenerunt, posterior etiam mentem juvat et certificat in componendis iis, quae per priorem resoluta sunt. Utraque ut et omnia, in quibus cum calamo tum ore atque mente terendis hactenus desudavimus, ut aliqualem⁶⁴ mentibus usum praestent, non satis est hactenus scripsisse et legisse modo subinde ad exercitium revocentur. Ad honorem et gloriam hujus tenuis opellae provectori Deo⁶⁵.</i></p>

Если рукопись № 37 была протографом, а студенческие записи – апографами, переписанными с нее, то столь значительное отличие апографов от протографа, причем общее известным записям, кажется несколько неожиданным. Можно предположить, что между рукописью № 37 и записями студентов находится еще один вариант текста, кото-

⁶⁴ В рязанской рукописи и рукописи № 38 первая часть слова *aliqualem* написана поверх вытертого слова *quod*.

⁶⁵ В рязанской рукописи фраза *Ad honorem ... Deo* написана поверх другого вытертого текста, также и в рукописи № 38 слово *Ad* написано поверх какого-то другого слова. В той же рукописи после слова *Deo* идут слова *sit ita amen*.

рый отражен в студенческих записях, и, поскольку именно этот вариант текста остался в руках студентов, для которых и был только курс, по-видимому, предназначен, то студенческие записи, а не автограф преподавателя и надо рассматривать как содержащие окончательную редакцию философского курса Ямницкого⁶⁶.

В январе 1748 г. Ямницкий был назначен ректором семинарии⁶⁷ и архимандритом Антониева монастыря.

С началом следующего, 1748/9, учебного года Ямницкий стал преподавать богословский курс, и философию, по всей видимости, уже не преподавал. Однако богословие Ямницкий преподавал недолго: 30 декабря того же года он скончался. В упомянутой выше рязанской ру-

⁶⁶ В начале курса обращение к ученикам философии во всех рукописях начинается словами: *Hactenus et vocibus rite concinnandis et iisdem jam in orationem compactis ut par erat flore convestiendis justum tempus a vobis juvenes philosophiae studiosi datum est.* Вводное рассуждение делится на три главы, 1-я из которых (*Caput 1. De nomine, notione et existentia philosophiae*) начинается словами: *Nomina philosophiae sicut cujuslibet alterius rei duplicis sunt generis: alia periphrastica, quae circumlocutionibus oratoris constant, ut cum philosophia dicitur dux vitae, indagatrix veritatis, magistra morum etc.* «Диалектика» начинается во всех рукописях словами: *Dialectica interdum designat solam topicam, quae docet ex probabilibus disputare, sed hic nomen dialecticae cum logica confundimus. Logica appellatur a Graeco nomine λόγος, quod et sermonem et rationem significat.* Заканчивается же словами: *... solves itaque si singulas interrogationis partes prudenter distinxeris et proprias responsiones assignaveris. Finis dialecticae eoque divinae benignitati laus et gloria in saecula. Amen.* В автографе Ямницкого последняя фраза (*Finis* и т. д.) отсутствует. В «Логике» 1-й трактат содержит вводные рассуждения (*Tractatus 1. De proemialibus logicae*). Его 1-я глава (*Caput 1. De existentia logicae*) начинается словами: *Logica quid ex nomine sonet, ab initio dialecticae dictum est, hic tantum addendum logicam ab Aristotele vocari Organum eo, quod sit omnium scientiarum commune instrumentum.* «Метафизика» начинается словами: *Metaphysicae physica aliquando praemitti solet eo, quod res physicae utpote materiales rebus metaphysicis ab omni nempe materiae fece avulsis propter eam, quam habent cum sensibus affinitatem faciliores sint...* Заканчивается же словами: *Tantillum rerum metaphysicarum irritare te non contentum reddere debet. Scriptum est quantum et ratio temporis et consuetudo scholastica permisit. Plura pete ab authoribus, qui ex composito in cudendis id genus operibus desudarunt.* В рукописи № 38 далее идут слова: *Finis et infinito gloria.* В «Физике» сперва идет предисловие (*Prolegomena*), первый подпункт которого (*Nomen et existentia*) начинается словами: *Haec philosophiae pars dicitur physica seu physiologia a nomine φύσις, quod Graecis significat naturam, unde dicitur scientia naturalis, quibus nominibus indicatur ordo aliquis ad naturam corpusque naturale.* Заканчивается же «Физика» в рязанской рукописи и в рукописи № 37 словами: *... Itaque non alio modo dependent scientiae nostrae a phantasmatis, quam animae nostrae. Atqui animae nostrae per se non pendent a phantasmatis, ergo nec scientiae nostrae.* Затем в рязанской рукописи идет заключение ко всему курсу, которого нет в рукописи № 37: *Atque sic labor bienii exspiravit, postquam spiraculum vitae nobis a te, Spiritus aeterne, et potenter et clementer inspiratum pro viribus scrutati simus. Infudisti naturam hanc nobis, ut eam ante faciem tuam effundamus perpetuo, tuum scilicet ad te repetens. Da nobis hanc gratiam, ut quod vis et jubes, praestemus etiam ex iis, quae hactenus tuo nomine, tuo honore et scripsimus et legimus. Utinam etiam didicerimus te solum serio discendo, solide cognoscendo, sedulo quaerendo, super omnia amando.*

⁶⁷ Светлов Г. И. Краткий очерк истории Новгородской духовной семинарии. Пг., 1917. С. 147.

кописи 8622 на обороте верхней крышки переплета находится запись: «Преставился всечестнейший отец архимандрит Антониева монастыря ректор же Новгородския семинарии школы богословии достойнейший учитель отец Иосиф будучи 31 лет от рождения бывший на ректорстве и архимандрии⁶⁸ с 1748 года Генваря 17 числа до декабря 31 числа того ж года, в 1вом часу в Зтвей четверти пополуночи 1748 году декабря 31 и погребен против отца Иннокентия в паперти церкви холодной наступившаго 1749 года генваря 3 дня». Ученики Ямницкого, которые только приступили к изучению богословия, были переведены обратно в «школу» философии⁶⁹.

Известна только одна запись этой небольшой части богословского курса: упомянутая выше рукопись № 36 из фонда Новгородской семинарии в ОР РНБ, лл. 137–185 об. Эта запись сделана двумя почерками: с начала и до середины л. 161 об. (до заголовка 2-го рассуждения включительно) – почерком Ямницкого, а с середины л. 161 об. (начиная с самого текста 2-го рассуждения) и до конца – тем почерком, каким написано окончание философского курса Ямницкого в вышеупомянутой рукописи № 37.

В рукописи № 36 имеется только предисловие к богословскому курсу, озаглавленное *Praecautio ad candidatos sacrae theologiae*, вводное рассуждение (*disputatio*) о природе богословия, а также из первой части трактата о Боге едином и троичном рассуждения 1–4 и первые 2 вопроса 5-го рассуждения.

Имеющуюся часть курса предваряет общее заглавие: *LIBER THEOLOGICUS in tractatus, disputationes et quaestiones more scholis recepto digestus ad usum Roxolanae juventutis in Novogrodensi seminario primum anno post Christum natum supra millesimum 748vo, 7bris 20 evolvi CAEP-TUS ad majorem maximi Dei gloriam* (л. 137)⁷⁰.

Теперь, конечно, было бы интересно рассмотреть, какие знания могли получить студенты из курсов Ямницкого по риторике и филосо-

⁶⁸ Слова и архимандрии написаны над строкой.

⁶⁹ Знаменский П. Духовные школы в России до реформы 1808 года. СПб, 1881. С. 450.

⁷⁰ Предисловие начинается словами: *Impurum coenum non purum caelum sectanti menti quid dicat caelestis faetus sacra pagina, quisquis es, qui rebus theologicis id est vere caelestibus, initiari velis, haud perfunctorie perpende*. Вводное рассуждение (*Disputatio unica de natura theologiae*) делится на 4 «вопроса», 1-й из которых (*Quaestio 1. De nomine, definitione, objecto, causis fineque theologiae*) начинается словами: *Dico 1. Quoad nomen theologia est vocabulum ex duabus vocibus Graecis scilicet θεός, quod Latinis deum, et λόγος, quod verbum, sermonem seu orationem significat, conflatum*. Трактат о Боге (*Tractatus theologicus de Deo uno et trino*) делится на две части, первая из которых (*Pars prima. De Deo uno in essentia et attributis divinis*) делится на несколько рассуждений. Первое из них (*Disputatio 1. De essentia et existentia Dei*), делится на 4 «вопроса», из которых первый (*Quaestio 1. De nominibus divinis*) начинается словами: *Dico 1. Nullum omnino nomen est neque esse potest, quod nobis viatoribus clare, perfecte et distincte possit significare essentiam divinam. Probatur Imo ex Scripturis. Genes. 32.29.*

фии, а также, чему он начал учить их в курсе богословия, однако, это выходит за узкие рамки археографического обзора. Обзор этот едва ли может претендовать на полноту, поскольку еще многие архивы и рукописные собрания, в которых могут находиться документы, относящиеся к истории Новгородской семинарии в XVIII в., не изучены. Однако по счастливому стечению обстоятельств уже сейчас удается обнаружить таких документов не меньше, чем документов, относящихся к истории таких известных учебных заведений духовного ведомства в России в 40-е и 50-е гг. XVIII в., как Киевская и Московская академии, а также Харьковский коллегиум. Среди этих документов чрезвычайно важное значение имеют записи преподававшихся курсов, поскольку они, по-видимому, представляют самое наглядное свидетельство того, что изучали студенты в рамках той или иной дисциплины.

Рассмотренные документы представляют свидетельства академической карьеры Ямницкого за шесть с половиной лет и случай этот интересен и показателен с разных точек зрения. Во-первых, он показывает, что в школе XVIII в. такие далекие с современной точки зрения разделы гуманитарного знания, как риторика и богословие, вполне могли преподаваться одним лицом. При этом богословие оказывалось наиболее слабым звеном, поскольку от преподавателя этого предмета, похоже, не требовалось, чтобы он сам его полностью изучил. Ямницкий начинает преподавать богословие, хотя сам не прошел его полного курса, и берется преподавать те разделы этой дисциплины, которые не изучал. Однако и учитель Ямницкого в богословском классе Киевской академии – Сильвестр Кулябка – также, по-видимому, курс богословия прошел не полностью.

Во-вторых, поскольку Ямницкий почти сразу после того, как оставил Киевскую академию, начал преподавательскую карьеру и умер, будучи преподавателем, может показаться, что мы имеем дело в лице Ямницкого с профессиональным преподавателем. Однако это едва ли было так. Скорее всего, после того, как Ямницкий закончил бы преподавать курс богословия, он прекратил преподавательскую деятельность и занимался церковным администрированием, поскольку, как можно видеть на многочисленных примерах, академическая карьера в учебных заведениях духовного ведомства в XVIII в. в России оказывалась лишь частью общецерковной карьеры.

Наконец, случай Ямницкого дает пример высокой социальной мобильности, которую давало образование. Ямницкий был родом с Правобережной Украины, где, благодаря деятельности различных монашеских конгрегаций, уровень образования среди населения был выше, чем в Украине левобережной и уж тем более в России. Соответственно, для человека, получившего гуманистическое образование, в Правобережной Украине конкуренция была выше, а в Левобережной Украине и в России он мог получить более выгодную работу и занять более высокое

положение. Для тех, кто учился в Киево-Могилянском коллегиуме/академии в первой половине XVIII в., был верный способ сделать хорошую карьеру – отправиться в Россию, которая в это время стала привлекательным местом для интеллектуальных гастарбайтеров. Ямницкий отправился по проверенному пути, но ему не повезло: он умер слишком рано. Его старший коллега Дамаскин Аскаронский стал костромским епископом, его школьный товарищ Иоасаф Миткевич – белгородским, а его младший коллега Парфений Сопковский – смоленским.